

**К 100-ЛЕТИЮ УРАЛЬСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

УДК 544.228

**ВЛИЯНИЕ СОДЕРЖАНИЯ КОБАЛЬТА НА ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ
СВОЙСТВА ТВЕРДЫХ РАСТВОРОВ $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$**

© 2020 г. А. Р. Гилев^а, Е. А. Киселев^{а,*}, В. А. Черепанов^а

^а Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002 Екатеринбург, Россия

*e-mail: eugene.kiselyov@urfu.ru

Поступила в редакцию 03.03.2020 г.

После доработки 25.03.2020 г.

Принята к публикации 14.04.2020 г.

Сложные оксиды $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ ($y = 0, 0.1, 0.2, 0.3, 0.4$) синтезированы по цитрат-нитратной технологии. Однофазность полученных образцов подтверждена методом рентгенофазового анализа (РФА). Все образцы имели структуру типа K_2NiF_4 с пространственной группой $I4/mmm$. Установлено, что введение кобальта в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ приводит к расширению кислородных октаэдров в плоскости ab и их сжатию в направлении оси c , что способствует уменьшению микронапряжений в структуре. Увеличение концентрации кобальта приводит к постепенному повышению кислородной сверхстехиометрии, при этом содержание кислорода в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ слабо зависит от температуры. Сделан вывод, что большая часть катионов кобальта в данных оксидах находится в степени окисления +3 во всем исследованном интервале температур. Результаты моделирования температурных зависимостей коэффициента Зеебека показали, что основная часть катионов Ni^{3+} в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ находится в низкоспиновом состоянии в интервале 25–1000°C, при этом увеличение содержания кобальта приводит к немонотонному росту доли высокоспиновых Ni^{3+} (при $T > 600^\circ\text{C}$). Допирование кобальтом $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ уменьшает общую электропроводность вследствие увеличения локализации электронных дырок на катионах 3d-металлов.

Ключевые слова: никелат лантана, кристаллическая структура, кислородная нестехиометрия, электропроводность

DOI: 10.31857/S0044453720120110

Смешанные электронно-ионные проводники на основе $\text{La}_2\text{NiO}_{4+\delta}$, со структурой типа K_2NiF_4 , могут найти применение в качестве катодных материалов среднетемпературных (600–800°C) твердооксидных топливных элементов (ТОТЭ) [1], перспективных катализаторов расщепления воды и кислородпроводящих мембран для процессов переработки углеводородов [2, 3]. Они характеризуются умеренными коэффициентами термического расширения (КТР) и достаточно высокой термодинамической стабильностью [4]. Смешанная проводимость в этих оксидах осуществляется за счет междоузельного кислорода в слоях LaO и электронных дырок в слоях LaNiO_3 .

Частичное замещение никеля кобальтом в $\text{La}_2\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ уже при небольших концентрациях допанта ($y = 0.1$) существенно повышает скорость кислородного обмена и практически не влияет на кислородно-ионную проводимость, КТР и термодинамическую стабильность [4, 5]. Это важно, так как электрохимическая активность $\text{La}_2\text{NiO}_{4+\delta}$, напрямую связанная со скоростью поверхностного кислородного обмена, за-

метно уступает таковой для кобальт- и железосодержащих перовскитов при умеренных температурах (600–800°C) [1]. Однако растворимость кобальта в $\text{La}_2\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ ограничена и не превышает $y \approx 0.15$ при 1100°C на воздухе [6]. На данный момент наиболее изученным составом является $\text{La}_2\text{Ni}_{0.9}\text{Co}_{0.1}\text{O}_{4+\delta}$, при этом систематические исследования влияния кобальта на физико-химические свойства $\text{La}_2\text{NiO}_{4+\delta}$ в литературе отсутствуют. Исследование фазовых равновесий в системе $\text{La}_{2-x}\text{Sr}_x\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ [6], указывает на то, что частичное замещение лантана стронцием позволяет значительно увеличить концентрацию кобальта в этих оксидах.

Поэтому целями данной работы являлись синтез образцов $\text{La}_{2-x}\text{Sr}_x\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ ($x = 0.5, y = 0, 0.1, 0.2, 0.3, 0.4$) и комплексный анализ влияния кобальта на кристаллическую структуру, кислородную нестехиометрию и транспортные свойства исследуемых оксидов.

Таблица 1. Уточненные методом Ритвелда параметры элементарной ячейки, длины связей Me–O и факторы сходимости для оксидов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$

Параметры	$y = 0$	$y = 0.1$	$y = 0.2$	$y = 0.3$	$y = 0.4$
$a = b, \text{Å}$	3.8121(1)	3.8155(1)	3.8207(1)	3.8255(1)	3.8278(1)
$c, \text{Å}$	12.7271(4)	12.6843(3)	12.6389(4)	12.5969(4)	12.5576(4)
$V, \text{Å}^3$	184.95(1)	184.66(1)	184.50(1)	184.35(1)	183.99(1)
$R_f, \%$	3.65	3.93	4.05	4.72	4.78
$R_{Br}, \%$	4.58	6.29	6.62	7.19	7.05
La/Sr–O1	2.598(1)	2.596(2)	2.591(2)	2.587(2)	2.584(2)
La/Sr–O2	2.732(2)	2.737(4)	2.733(3)	2.736(2)	2.735(2)
Ni/Co–O1	1.9060(1)	1.9077(0)	1.9104(1)	1.9127(1)	1.9139(0)
Ni/Co–O2	2.21(1)	2.23(2)	2.16(2)	2.16(2)	2.13(2)
t	0.77	0.75	0.79	0.79	0.80

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Синтез сложных оксидов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ ($y = 0, 0.1, 0.2, 0.3, 0.4$) был осуществлен по цитрат-нитратной технологии. В качестве исходных веществ использовали реактивы: $\text{Ni}(\text{CH}_3\text{COO})_2 \cdot 4\text{H}_2\text{O}$ (Acros Organics, 99%), SrCO_3 (Aldrich, $\geq 99.9\%$), La_2O_3 (Уралредмет, 99.996%), Co_3O_4 (Вектон, “ч.д.а.”) и $\text{C}_6\text{H}_8\text{O}_7 \cdot \text{H}_2\text{O}$ (Вектон, “ч.д.а.”). Образующиеся в результате термического разложения цитратно-нитратных прекурсоров порошки отжигали не менее трех раз при 1100°C на воздухе в течение 8–10 ч, с промежуточным перетирированием в среде этилового спирта. Затем их прессовали в бруски под давлением 20 бар и спекали при 1350°C в течение 20 ч на воздухе. Относительная плотность керамических образцов составила $\geq 95\%$. Более подробно методика синтеза описана в работах [7, 8]. Фазовый состав и кристаллическая структура полученных сложных оксидов были исследованы методами рентгенофазового (РФА) и рентгеноструктурного (РСА) анализа. Съемку образцов проводили на порошковом рентгеновском дифрактометре Maxima XRD-7000 в $\text{CuK}\alpha$ -излучении при комнатной температуре. Обработка дифрактограмм была выполнена методом Ритвелда в программе Fullprof.

Кислородную нестехиометрию (δ) твердых растворов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ исследовали как функцию температуры методом термогравиметрического анализа (ТГА) на термоанализаторе Netzsch STA 409 PC в диапазоне $30\text{--}1100^\circ\text{C}$ на воздухе. Для достижения равновесия с газовой фазой образец выдерживали при фиксированной температуре в течение 12 ч, затем температуру понижали на 100°C , и далее процедуру повторяли. Абсолютное значение кислородной нестехиометрии было получено при помощи обратного дихроматометрического титрования с использованием избытка соли Мора в качестве восстановителя.

Общая электропроводность исследуемых оксидов была измерена четырехконтактным методом на постоянном токе в интервале температур $30\text{--}1000^\circ\text{C}$ на воздухе. Равновесные точки были получены в режиме охлаждения с шагом 50°C и выдержкой при каждой температуре около 5 часов, необходимой для релаксации электропроводности. Одновременно с общей электропроводностью был измерен коэффициент Зеебека исследуемых оксидов при температурном градиенте вдоль образца $10\text{--}15^\circ\text{C}$ (собственный градиент печи).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Кристаллическая структура

$\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$

Результаты РФА показали, что все синтезированные образцы были однофазными и имели структуру типа K_2NiF_4 с пространственной группой $I4/mmm$. В качестве примера на рис. 1 представлена обработанная методом Ритвелда дифрактограмма для сложного оксида $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{0.7}\text{Co}_{0.3}\text{O}_{4+\delta}$. Параметры элементарной ячейки, длины связей Me–O и факторы сходимости для исследуемых оксидов приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1 увеличение содержания кобальта в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ приводит к увеличению параметра a и уменьшению параметра c . При этом происходит постепенное увеличение длины связи Ni/Co–O1 и уменьшение длин связей La/Sr–O1 и Ni/Co–O2, тогда как La/Sr–O2 остается практически неизменной. Анализ длин связей показывает, что основные изменения при допировании кобальтом происходят в перовскитном слое: кислородные полиэдры расширяются в плоскости ab и сжимаются в направлении оси c , что приводит к уменьшению объема октаэдров и толщины перовскитного слоя. В результате объем элементарной ячейки уменьшается с увеличением

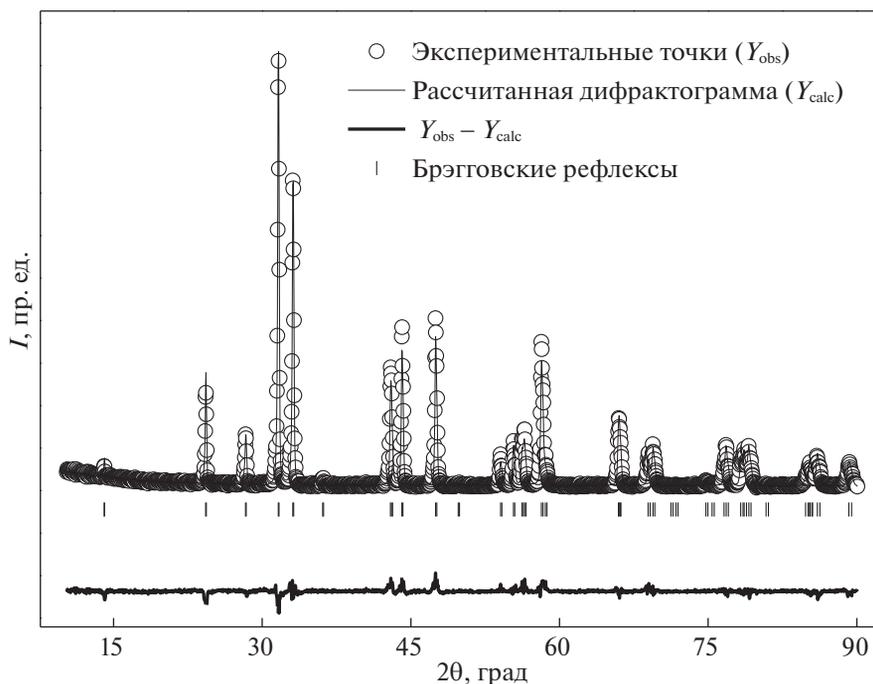

Рис. 1. Обработанная методом Ритвелда дифрактограмма сложного оксида $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{0.7}\text{Co}_{0.3}\text{O}_{4+\delta}$.

ем содержания кобальта. Сравнение эффективных ионных радиусов $\text{Ni}^{2+}/\text{Ni}^{3+}$ и $\text{Co}^{2+}/\text{Co}^{3+}$ позволяет предположить, что уменьшение объема элементарной ячейки обусловлено меньшим размером катионов кобальта ($r(\text{Co}^{2+})_{\text{LS}}^{\text{VI}} = 0.65 \text{ \AA}$; $r(\text{Co}^{3+})_{\text{LS}}^{\text{VI}} = 0.545 \text{ \AA}$) в сравнении с таковым для катионов никеля ($r(\text{Ni}^{2+})_{\text{HS}}^{\text{VI}} = 0.69 \text{ \AA}$; $r(\text{Ni}^{3+})_{\text{LS}}^{\text{VI}} = 0.56 \text{ \AA}$) [9]. Следует отметить, что уменьшение толщины перовскитного слоя при увеличении содержания кобальта в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ приводит к повышению фактора толерантности Гольдшмидта (t) от 0.77 ($y=0$) до 0.8 ($y=0.4$) и позволяет понизить микронапряжения в структуре.

Кислородная нестехиометрия $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$

На рис. 2 показаны температурные зависимости кислородной нестехиометрии (δ) и средней степени окисления $3d$ -металлов (Z^+) в исследуемых оксидах. Содержание кислорода в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{NiO}_4$ близко к 4 и не зависит от температуры в интервале 25–1100°C. Частичное замещение никеля кобальтом в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ приводит к увеличению значений δ и Z^+ [4, 10, 11]. Основываясь на ранее опубликованных данных [12], и учитывая полученные значения Z^+ , а также то, что кобальт обладает меньшей электроотрицательностью, чем никель можно предположить, что равновесие в реакции $\text{Co}^{2+} + \text{Ni}^{3+} = \text{Co}^{3+} + \text{Ni}^{2+}$

смещено в правую сторону и при комнатной температуре подавляющее большинство катионов кобальта имеет степень окисления +3. Поэтому химические формулы исследуемых оксидов (при комнатной температуре) могут быть представлены в следующем виде: $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}^{3+}\text{Ni}_{0.46}^{2+}\text{Ni}_{0.44}^{3+}\text{Co}_{0.1}^{3+}\text{O}_{4.02}^{2-}$, $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}^{3+}\text{Ni}_{0.4}^{2+}\text{Ni}_{0.4}^{3+}\text{Co}_{0.2}^{3+}\text{O}_{4.05}^{2-}$, $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}^{3+}\text{Ni}_{0.36}^{2+}\text{Ni}_{0.34}^{3+}\text{Co}_{0.3}^{3+}\text{O}_{4.07}^{2-}$, $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}^{3+}\text{Ni}_{0.32}^{2+}\text{Ni}_{0.28}^{3+}\text{Co}_{0.4}^{3+}\text{O}_{4.09}^{2-}$. Примечательно, что соотношение $\text{Ni}^{3+}/\text{Ni}^{2+}$ при комнатной температуре близко к 1 во всех исследованных оксидах. Суммарное содержание Co^{3+} и Ni^{3+} превышает содержание акцепторного допанта в А позиции Sr^{2+} (Sr'_{La}) и избыточный положительный заряд Co^{3+} (Co'_{Ni}) компенсируется, главным образом, отрицательно заряженным междуузельным кислородом (O''), а не восстановлением Ni^{3+} в Ni^{2+} .

Кислородная нестехиометрия в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ слабо зависит от температуры. Это приводит к тому, что исследуемые оксиды обладают заметной сверхстехиометрией по кислороду даже при высоких температурах. Следовательно, можно предположить, что большая часть катионов кобальта в исследуемых оксидах остается в степени окисления +3 и при высоких температурах.

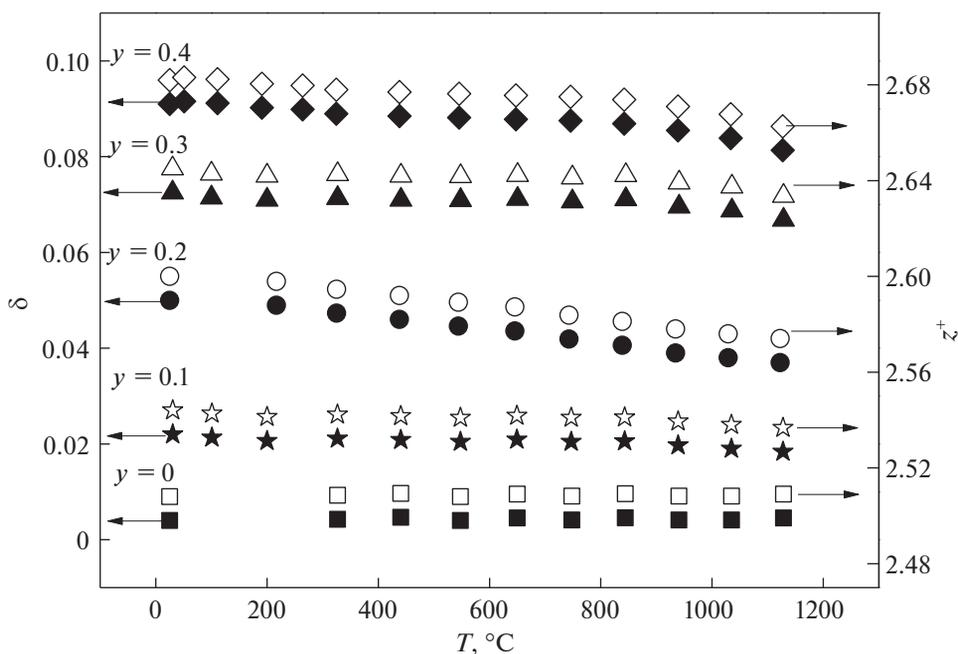

Рис. 2. Температурные зависимости кислородной нестехиометрии и средней степени окисления 3d-металлов для $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ на воздухе.

Общая электропроводность и коэффициент Зеебека $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$

На рис. 3 показаны температурные зависимости общей электропроводности (σ) и коэффициента Зеебека (S) для исследуемых оксидов на воздухе. Электропроводность $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{NiO}_4$ возрастает в интервале температур 25–400°C, после чего остается практически неизменной вплоть до 1000°C. Допирование кобальтом приводит к понижению электропроводности, при этом полупроводниковый тип проводимости наблюдается во всем исследованном интервале температур. Коэффициент Зеебека в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ проходит через минимум при повышении температуры. Введение кобальта приводит к смещению минимума в область более высоких температур и повышает значения S при прочих равных условиях.

Производные $\text{La}_2\text{NiO}_{4+\delta}$ рассматриваются как проводники p -типа, электронно-дырочная проводимость в которых осуществляется по прыжковому механизму поляронами малого радиуса [4, 12, 13]. Кроме того, электронная составляющая проводимости в этих соединениях на несколько порядков превышает кислородно-ионную и получаемые данные по общей электропроводности в первом приближении можно рассматривать как электронно-дырочную проводимость [4, 11]. Уменьшение электропроводности, либо замедление ее роста при повышении температуры зачастую связывают с выделением кислорода из образца в газовую фазу при повышении температуры, что сопровождается уменьшением концентрации

электронных дырок [13, 14]. Однако в данном случае содержание кислорода практически не зависит от температуры для всех исследованных составов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$. Как будет показано ниже, наблюдаемые изменения на температурных зависимостях электропроводности и коэффициента Зеебека могут быть обусловлены переходом части катионов Ni^{3+} из низко- в высокоспиновое состояние при повышении температуры, что приводит к существенному уменьшению подвижности электронных дырок. Уменьшение электропроводности и рост коэффициента Зеебека при допировании кобальтом могут быть вызваны тем, что катионы Co^{3+} в данных соединениях выступают как “ловушки” электронных дырок и, таким образом, понижают концентрацию подвижных носителей заряда [4, 11].

В предположении прыжкового механизма проводимости температурные зависимости электропроводности и коэффициента Зеебека могут быть описаны следующими выражениями [15]:

$$\sigma = \frac{A}{T} \exp\left(-\frac{E_\sigma}{RT}\right), \quad (1)$$

$$S = \frac{k}{|e|} \left(\frac{Q_+}{RT} + B \right), \quad (2)$$

где A – независимая от температуры константа, E_σ – энергия активации электропроводности, $B = \ln[(1-p)/p]$ – константа, Q_+ – теплота переноса, или другими словами, энергия, необходимая

для образования носителя заряда (в данном случае полярона).

Как видно из уравнений (1) и (2) энергии E_{σ} и Q_{+} могут быть определены из экспериментальных данных, представленных в координатах $\ln(\sigma T) = f(1/T)$ и $S = f(1/T)$, соответственно (см. рис. 3). Разница $E_{\sigma} - Q_{+}$ равна энергии прыжка полярона W_H , которая в случае прыжкового механизма должна быть существенно больше нуля [15, 16]. Следует отметить, что такое определение энергетических параметров транспорта корректно лишь в случае, если концентрация подвижных носителей заряда (в данном случае электронных дырок p) остается постоянной в рассматриваемом интервале температур. Для исследуемых оксидов это условие достигается только при низких температурах. Поэтому значения E_{σ} , Q_{+} и W_H были определены в интервале температур 25–350°C (как показано на рис. 3). Результаты расчетов представлены в табл. 2.

Как видно из табл. 2 значения W_H значительно больше нуля, что подтверждает предположение о прыжковом механизме проводимости. Увеличение содержания кобальта в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ приводит к возрастанию энергетических параметров транспорта, при этом увеличивается как теплота переноса, так и энергия необходимая для осуществления перескока из одной позиции в другую. Среди возможных причин такого увеличения могут быть: удлинение связи Ni/Co–O1 (т.е. увеличение расстояния для перескока), а также меньшая электроотрицательность кобальта в сравнении с никелем, в результате чего он выступает в качестве “ловушки” электронной дырки.

Для комплексного анализа полученных температурных зависимостей была использована модель для описания коэффициента Зеебека, учитывающая спиновое состояние катионов Ni^{3+} . Подробно данная модель была рассмотрена в работах [7, 8]. В основе модели лежит предположение, что между катионами Ni^{3+} в низкоспиновом (LS) и высокоспиновом (HS) состояниях существует равновесие $(\text{Ni}^{3+})_{\text{LS}} \leftrightarrow (\text{Ni}^{3+})_{\text{HS}}$, которое характеризуется константой равновесия K и изменением энтальпии соответствующего процесса ΔH :

$$K = \frac{p_{\text{HS}}}{p_{\text{LS}}} = K_0 \exp\left(-\frac{\Delta H}{RT}\right), \quad (3)$$

где p_{LS} и p_{HS} – концентрации электронных дырок, которые при локализации на Ni^{2+} образуют катионы Ni^{3+} в низкоспиновом (LS) и высокоспиновом (HS) состоянии, соответственно; K_0 – константа равновесия при бесконечно большом значении температуры T .

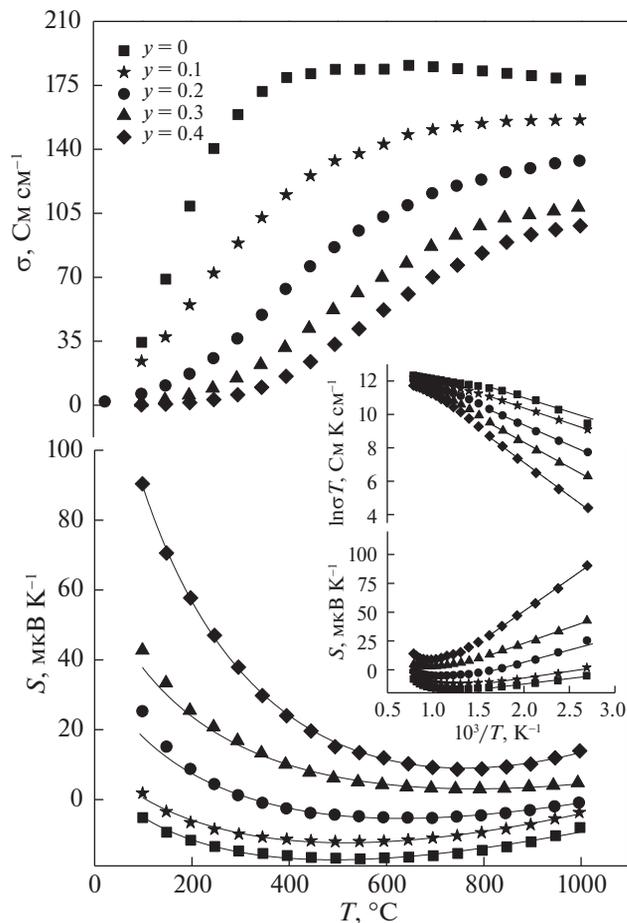

Рис. 3. Температурные зависимости общей электропроводности (а) и коэффициента Зеебека (б) сложных оксидов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ на воздухе.

При этом сумма p_{LS} и p_{HS} равна общей концентрации электронных дырок p , которая может быть рассчитана из условия электронейтральности (4), с учетом данных по кислородной нестехиометрии. Принимая La_2NiO_4 за идеальное со-

Таблица 2. Энергетические параметры электронно-дырочного транспорта для сложных оксидов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$

y	E_{σ} , кДж моль ⁻¹	Q_{+} , кДж моль ⁻¹	W_H , кДж моль ⁻¹
0	14.2 ± 1	0.92 ± 0.06	13.3 ± 1
0.1	15.4 ± 0.2	1.1 ± 0.1	14.3 ± 0.22
0.2	17.7 ± 0.5	2.05 ± 0.2	15.65 ± 0.5
0.3	25 ± 0.7	2.72 ± 0.2	22.28 ± 0.73
0.4	32.73 ± 0.8	5.36 ± 0.1	27.37 ± 0.81

Таблица 3. Результирующие параметры аппроксимации зависимостей $S = f(T)$

y	Q_+ , кДж моль ⁻¹	ΔH , кДж моль ⁻¹	K_0	$-\Delta W$, кДж моль ⁻¹	y'
0	1.17	19.8	1.21	29.3	—
0.1	1.17	21.1	1.27	31.4	0.099
0.2	1.95	26.2	1.12	33.1	0.197
0.3	2.76	19.2	1.12	35.5	0.294
0.4	5.73	19.8	1.75	35.8	0.318

стояние, условие электронейтральности для твердых растворов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ может быть записано следующим образом:

$$[\text{Ni}_{\text{Ni}}^{\bullet}] + [\text{Co}_{\text{Ni}}^{\bullet}] = [\text{Sr}_{\text{La}}'] + 2[\text{O}_i''], \quad (4)$$

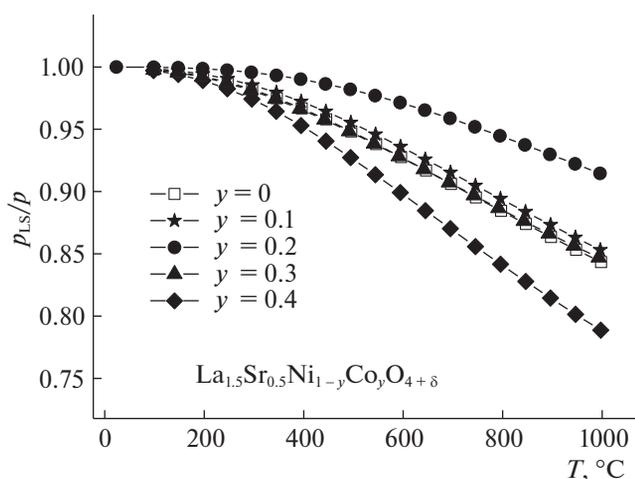
где $[\text{Ni}_{\text{Ni}}^{\bullet}] = p$ — концентрация подвижных электронных дырок, $[\text{Co}_{\text{Ni}}^{\bullet}]$ — концентрация катионов Co^{3+} , $[\text{Sr}_{\text{La}}'] = 0.5$ — содержание стронция в оксиде, $[\text{O}_i''] = \delta$ — концентрация междоузельного кислорода.

Следует отметить, что электронные дырки, локализованные на катионах Co^{2+} с образованием Co^{3+} , в первом приближении не участвуют в переносе заряда согласно литературным данным [4, 14].

Тогда наблюдаемые температурные зависимости электропроводности и коэффициента Зеебека представляют собой сумму вкладов:

$$\sigma = \sigma_{\text{LS}} + \sigma_{\text{HS}}, \quad (5)$$

$$S = t_{\text{LS}}S_{\text{LS}} + t_{\text{HS}}S_{\text{HS}}, \quad (6)$$

Рис. 4. Температурные зависимости доли катионов Ni^{3+} в низкоспиновом состоянии для $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ на воздухе.

где σ_{LS} и σ_{HS} — парциальные проводимости, S_{LS} и S_{HS} — парциальные коэффициенты Зеебека, t_{LS} и t_{HS} — числа переноса электронных дырок, локализованных на катионах Ni^{2+} с образованием Ni^{3+} в низкоспиновом (LS) и высокоспиновом (HS) состояниях соответственно.

Парциальные коэффициенты Зеебека в выражении (6) определяются формулой Хайкса, учитывающей фактор спинового вырождения [7, 15]. Выражения для чисел переноса могут быть получены из отношения парциальной проводимости к общей электропроводности, как показано в работе [7]. В предположении прыжкового механизма подвижность электронных дырок определяется следующим выражением:

$$\mu_{\text{LS/HS}} = \frac{\mu_0}{T} \exp\left(-\frac{W_{\text{LS/HS}}}{RT}\right), \quad (7)$$

где μ_0 — подвижность электронных дырок при бесконечно большом значении температуры T ; W_{LS} и W_{HS} — энергии прыжка полярона.

Тогда отношение подвижностей может быть записано в следующем виде:

$$L = \frac{\mu_{\text{HS}}}{\mu_{\text{LS}}} = \exp\left(\frac{\Delta W}{RT}\right), \quad (8)$$

где $\Delta W = W_{\text{LS}} - W_{\text{HS}}$.

В качестве модельной функции используется выражение (6). Параметрами фитинга выступают: K_0 , ΔH , Q_+ и ΔW . Для проверки предположения о том, что большинство ионов кобальта имеет степень окисления +3, концентрация Co^{3+} входящая в уравнение (4), также уточняется в процессе фитинга (обозначается далее как y'). Результаты фитинга зависимостей $S = f(T)$ представлены в табл. 3 и на рис. 3 в виде сплошных линий.

Как видно из рис. 3 предложенная модель удовлетворительно описывает экспериментальные данные. Значения y' указывают на то, что большая часть катионов кобальта в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$ находится в степени окисления +3. Для составов $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{0.9}\text{Co}_{0.1}\text{O}_{4+\delta}$, $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{0.8}\text{Co}_{0.2}\text{O}_{4+\delta}$, $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{0.7}\text{Co}_{0.3}\text{O}_{4+\delta}$ доля Co^{2+} не превышает 3%. Существенное содержание катионов Co^{2+} ($\approx 20\%$) наблюдается только в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{0.5}\text{Ni}_{0.6}\text{Co}_{0.4}\text{O}_{4+\delta}$. Согласно полученным данным по кислородной нестехиометрии, предполагается, что установленные соотношения концентраций $\text{Co}^{3+}/\text{Co}^{2+}$ остаются практически неизменными в исследованном интервале температур.

Конечные параметры фитинга (см. табл. 3) позволяют рассчитать концентрации p_{LS} и p_{HS} , используя уравнение (3). Результаты расчетов представлены на рис. 4 в виде температурных зависимостей доли катионов Ni^{3+} в низкоспиновом состоянии (p_{LS}/p).

Полученные зависимости p_{LS}/p показывают, что практически все катионы Ni^{3+} в $La_{1.5}Sr_{0.5}Ni_{1-y}Co_yO_{4+\delta}$ находятся в низкоспиновом состоянии при комнатной температуре. Повышение температуры приводит к переходу части Ni^{3+} в высокоспиновое состояние. Из графика также видно, что допирование кобальтом сначала препятствует, а затем, начиная с $y = 0.2$, наоборот, способствует появлению высокоспиновых Ni^{3+} при повышении температуры. Как отмечалось ранее в работе [17], одним из основных факторов, влияющих на долю катионов Ni^{3+} в высокоспиновом состоянии при высоких температурах в этих соединениях является размерный фактор. Было показано, что введение допантов с большим радиусом, например замещение никеля железом или марганцем, приводило к увеличению объема элементарной ячейки и доли катионов Ni^{3+} в высокоспиновом состоянии. Такая взаимосвязь объясняется тем, что увеличение объема элементарной ячейки приводит к расширению кислородных полиэдров и ослаблению кристаллического поля, что способствует переходу в высокоспиновое состояние с большим радиусом. В случае с кобальтом ситуация более сложная, так как с одной стороны происходит удлинение связи Ni/Co—O1, а с другой стороны уменьшение длины связи Ni/Co—O2. Вероятно, при небольших концентрациях кобальта сжатие элементарной ячейки в направлении c играет основную роль и препятствует рассматриваемому переходу. В результате, при высоких температурах доля высокоспиновых Ni^{3+} в $La_{1.5}Sr_{0.5}Ni_{0.8}Co_{0.2}O_{4+\delta}$ приблизительно на 10% меньше в сравнении с таковой для $La_{1.5}Sr_{0.5}NiO_{4+\delta}$. Начиная с $y = 0.2$, из-за удлинения связи Ni/Co—O1, доля высокоспиновых Ni^{3+} начинает возрастать и при $y = 0.4$ достигает приблизительно 20% при высоких температурах.

Используя параметры фитинга, представленные в табл. 4, можно также рассчитать подвижность электронных дырок, которые локализируются на катионах Ni^{2+} с образованием Ni^{3+} в низкоспиновом (μ_{LS}) и высокоспиновом (μ_{HS}) состояниях. Для этого необходимо определить среднюю подвижность μ_h при помощи следующего выражения:

$$\sigma = \frac{ze p \mu_h}{V}, \quad (9)$$

где z — число формульных единиц в элементарной ячейке оксида, e — абсолютный заряд электрона, V — объем элементарной ячейки.

Подставляя выражение (9) и (7) в (5), а также учитывая тот факт, что $p = p_{LS} + p_{HS}$, можно получить следующую модельную функцию [18]:

$$\mu_h T = \mu_0 \exp\left(-\frac{W_{LS}}{RT}\right) \left(\frac{1 + LK}{1 + K}\right), \quad (10)$$

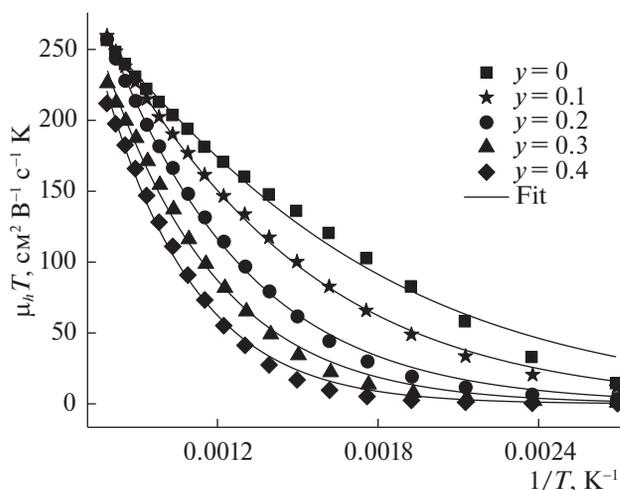
Таблица 4. Результирующие параметры фитинга зависимостей $\mu_h T = f(1/T)$

y	μ_0 , см ² В ⁻¹ с ⁻¹	W_{LS} , кДж моль ⁻¹	W_{HS} , кДж моль ⁻¹
0	744.4	9.6	38.9
0.1	1022.6	12.9	44.3
0.2	1496.2	17.5	50.6
0.3	2220.3	22.0	57.5
0.4	3976.5	28.1	63.9

Уточняемыми параметрами в данном случае выступают μ_0 и W_{LS} . Результаты фитинга представлены на рис. 5 и в табл. 4.

Из рис. 5 видно, что модельные кривые хорошо согласуются с экспериментальными точками. Значения μ_{LS} и μ_{HS} могут быть рассчитаны с помощью уравнения (7), после подстановки параметров из табл. 4. Результаты расчетов представлены на рис. 6. Из графика видно, что подвижность электронных дырок в $La_{1.5}Sr_{0.5}Ni_{1-y}Co_yO_{4+\delta}$ при умеренных и высоких температурах уменьшается более чем на порядок при переходе катиона Ni^{3+} из низкоспинового в высокоспиновое состояние. Таким образом, увеличение доли высокоспиновых Ni^{3+} при повышении температуры будет уменьшать среднюю подвижность электронных дырок и замедлять рост электропроводности.

Можно также отметить, что значения μ_{LS} для $La_{1.5}Sr_{0.5}NiO_{4+\delta}$ и $La_{1.5}Sr_{0.5}Ni_{0.9}Co_{0.1}O_{4+\delta}$ существенно замедляют свой рост при высоких температурах. Такое поведение подвижности не характерно для прыжкового механизма [15]. На приме-

Рис. 5. Результаты фитинга зависимостей $\mu_h T = f(1/T)$ для $La_{1.5}Sr_{0.5}Ni_{1-y}Co_yO_{4+\delta}$.

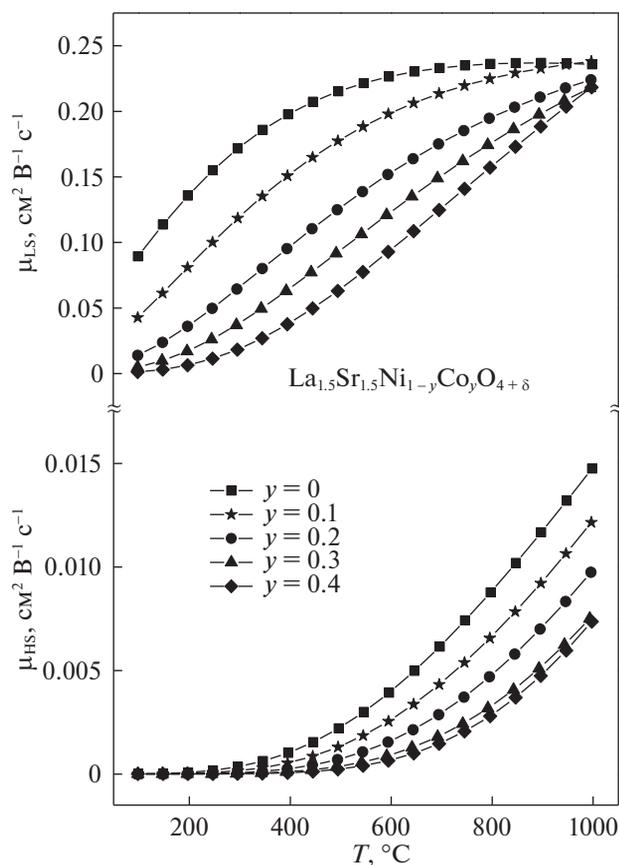

Рис. 6. Температурные зависимости подвижностей μ_{LS} и μ_{HS} в $\text{La}_{1.5}\text{Sr}_{1.5}\text{Ni}_{1-y}\text{Co}_y\text{O}_{4+\delta}$.

ре $\text{La}_{1.2}\text{Sr}_{0.8}\text{Ni}_{0.9}\text{Fe}_{0.1}\text{O}_{4+\delta}$ ранее было показано [18], что механизм проводимости может быть смешанным из-за присутствия катионов Ni^{3+} в разных спиновых состояниях. При этом в случае с низкоспиновым Ni^{3+} электронные дырки ведут себя как квази-делокализованные, а в случае с высокоспиновым Ni^{3+} — как локализованные. В первом случае механизм может быть описан с точки зрения зонной теории проводимости, а во втором случае прыжковым механизмом. Интересно отметить, что при увеличении содержания кобальта температурные зависимости подвижно-

стей μ_{LS} и μ_{HS} становятся похожи, указывая на увеличение локализации подвижных носителей заряда и переходу от смешанного к прыжковому механизму.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-03-00753 А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Shao Z., Tade M.O. Intermediate-Temperature Solid Oxide Fuel Cells. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2016. 266 p.
2. Forslund R.P., Hardin W.G., Rong X. et al. // Nat. Commun. 2018. V. 9. P. 3150.
3. Zhu D.C., Xu X.Y., Feng S.J. et al. // Catal. Today. 2003. V. 82. P. 151.
4. Yaremchenko A.A., Kharton V.V., Patrakeev M.V. et al. // J. Mater. Chem. 2003. V. 13. P. 1136.
5. Kilner J.A., Shaw C.K.M. // Solid State Ionics. 2002. V. 154–155. P. 523.
6. Gavrilova L.Ya., Aksenova T.V., Bannykh L.A. et al. // J. Struct. Chem. 2003. V. 44. P. 248.
7. Gilev A.R., Kiselev E.A., Cherepanov V.A. // RSC Adv. 2016. V. 6. P. 72905.
8. Gilev A.R., Kiselev E.A., Zakharov D.M. et al. // J. Alloys Compd. 2018. V. 753. P. 491.
9. Shannon R.D. // Acta Cryst. 1976. V. A32. P. 751.
10. Naumovich E.N., Kharton V.V. // J. Mol. Struct. 2010. V. 946. P. 57.
11. Klante T., Efimov K., Cusenza S. et al. // J. Solid State Chem. 2011. V. 184. P. 3310.
12. El Shinawi H., Greaves C. // J. Mater. Chem. 2010. V. 20. P. 504.
13. Bassat J.M., Odier P., Loup J.P. // J. Solid State Chem. 1994. V. 119. P. 124.
14. Nishiyama S., Sakaguchi D., Hattori T. // Solid State Commun. 1995. V. 94. P. 279.
15. Austin I.G., Mott N.F. // Adv. Phys. 1969. V. 18. P. 41.
16. Wang S., Li K., Chen Z. et al. // Phys. Rev. B. 2000. V. 61. P. 575.
17. Cherepanov V.A., Gilev A.R., Kiselev E.A. // Pure Appl. Chem. 2019. V. 91. P. 911.
18. Gilev A.R., Kiselev E.A., Zakharov D.M. et al. // Solid State Sci. 2017. V. 72. P. 134.